

□ ИЛБИНА Г.Г.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИИ ЧУВАШСКИХ “ТЁШМЁШ ХАЛАПЁ” (НА ПРИМЕРЕ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О ЛЕСНЫХ ДУХАХ)

Резюме: В жанровом отношении чувашская народная устная несказочная проза разнообразна. Наряду с мифологическими, историческими и топонимическими преданиями, сказаниями о Ульпах великанах сюда относятся и былички. В последнее время в чувашской фольклористике заговорили о выделении тёшмёш халапё в самостоятельный жанр. На современном этапе это тот жанр фольклора, который на равне с топонимическими преданиями продолжает продуктивно функционировать. Из всех перечисленных жанров устной прозы в полевых условиях фиксируются тексты подобного рода. При изучении чувашских быличек особенно заметной становится повторяемость их сюжетов, выделение тематических групп. Наблюдается переход коротких, одноэпизодных рассказов в достаточно полный по форме текст.

Ключевые слова: несказочная проза, тёшмёш халапё, структурные звенья, экспозиция, откровение духа, усложненные конструкции, рассказы циклы.

Çuvaş “Těşmėş Halapě” Kompozisyonunun Bazı Özellikleri Hakkında (Orman Ruhlarıyla İlgili Sözlü Hikâyeler Örneğinde)

Özet: Tür açısından Çuvaşça masaldışı sözlü hikâyeler çok çeşitlidir. Mitolojik, tarihî ve toponimik efsaneler ile *ulp* olarak bilinen devler konulu öykülerin yanı sıra bu gruba ruhlarla karşılaşma hikâyeleri (быличка) de dâhildir. Son zamanlarda, Çuvaş folkloristler *Těşmėş Halapě* nin artık müstakil bir tür olarak değerlendirilmesi gerektiğini konuşmaya başladılar. Günümüzde toponimik efsaneler ile birlikte folklorun bu türü verimli bir şekilde işlenmeye devam etmektedir, zira yukarıda zikrolunan sözlü nesir türlerinden alan araştırmaları sırasında daha çok bu tür metinler tanıklanmaktadır. Konuyla ilgili araştırmalar ruhlarla karşılaşma konulu Çuvaş hikâyelerinde birçok konunun tekrar edildiğini ortaya çıkarmış ki bu da onları belirli tematik gruplara ayırmaya imkân

vermektedir. İlgili örneklerde ayrıca kısa ve tek olaylı öykülerin yapı bakımından oldukça bütün ve eksiksiz sayılabilecek bir metin biçimine geçişi gözlemlenmektedir.

Anahtar Sözcükler: masaldışı nesir, teşmëş halapë, ruhların ifşaatı, karmaşık yapılar, hikâye ve hikâye silsileleri.

On Some Features of Chuvash “Tëşmëş Halapë” Composition (Exemplified by Oral Stories about Forest Spirits)

Abstract: As a genre, Chuvash non-fairy-tale oral stories are very diverse. In addition to mythological, historical, toponymic legends and stories that have subjects of giants known as ulıp, this group also includes stories of encounters with spirits (быличка). Lately, Chuvash folklorists are discussing that Tëşmëş Halapë should be considered as a separate genre. Nowadays, this type of folklore is continued to be studied along with toponymic legends, since during the field researches, these types of texts are more frequently encountered than the oral prose genres mentioned above. Related studies have proven that numerous topics are repeated in Chuvash stories of encounters with spirits, which allows them to be divided into specific thematic groups. In the related examples, the transition of stories with short and single events to a rather complete and through text form in terms of structure is also observed.

Keywords: Non-fairy-tale prose, teşmëş halapë, revelations of sprits, complex structures, stories and story sequences.

Тëшмëш халапë «быличка» – повествование о встрече человека с мифологическим существом, которое отражает народные верования наиболее полно и непосредственно.

Чувашские устные рассказы, связанные с архаическими понятиями и религиозными верованиями, до сих пор не стали объектом изучения ни историков, ни этнографов, ни фольклористов, ни религиоведов. Между тем они составляют самостоятельный жанр чувашского фольклора и, подобно другим формам устного народного творчества, нуждаются в том, чтобы изучить их в системе устной прозы, охарактеризовать их жанровую природу, показать пути трансформации из архаических мифов и выявить связь с другими жанрами. Чувашские *тëшмëш халапë* не изучались и не рассматривались в фольклористике как самостоятельный жанр. Причины этого нам видятся в том, что такого рода фольклорные тексты сравнительно поздно стали записываться. Сказанное в отношении этого жанра в русской фольклористике можно в полной мере отнести и к чувашским быличкам: «На протяжении всей истории своего бытования они не только не занимали равноправного положения в фольклористике, но даже, как это ни удивительно, не осмыслились в качестве самостоятельного фольклорного жанра и, вследствие этого, естественно, не были объектом специальных научных разысканий. Немаловажную роль здесь сыграл и взгляд на былички как на средоточие языческих верований, что повлекло за собой дискредитацию мифологических рассказов со стороны церкви (это, однако, не мешало священникам выступать иногда в качестве их собирателей и публикаторов). Еще более решительное неприятие названные произведения претерпели уже в советское время, в период господства атеизма, когда былички расценивались как источник невежества и суеверий» (Криничная 2001: 19). В силу указанных причин мифологические рассказы чувашей остались на периферии внимания исследователей.

Впервые о существовании данного жанра в чувашской фольклористической науке в 1941 г. в своем труде «Чăваш фольклорĕ» писал И.С. Тукташ. Ученым дана жанровая характеристика таких рассказов. *Тĕшмĕш халапĕсем* «былички» и этиологические рассказы отнесены учеными к преданиям: «К преданиям относятся рассказы о событии, произошедшем в жизни. К быличкам относятся рассказы о лешем, водяном, домовом, Вупăр, Вутăш, а также о других демонологических существах и колдунах». Эти рассказы произошли давно, потому что древние люди не понимали законов природы и верили разным «злым духам / существам» (Тукташ 1949: 161). Им же отмечается, что предания – по форме, несложные произведения. В них мало изобразительных средств для украшения текста, а больше внимания уделяется самому факту. Если этиологические легенды просто не бытуют в народе, зато есть очень много текстов, связанных с суевериями чувашей. Для подтверждения своих мыслей об этом жанре чувашского фольклора автор приводит в своем сборнике шесть текстов быличек, которые составителями шестого тома «Чувашского устного народного творчества» напечатаны в разделе «Мифы». Однако научный подход И. Тукташа по данной проблеме не получил дальнейшего развития в чувашской фольклористике. Ученые не отнесли к жанру быличек как к самостоятельному жанру. Некоторые тексты быличек использованы учеными без всякого упоминания о жанровой природе текста. Именно не разработанность данного жанра в национальном фольклоре стала причиной неверных толкований текстов о встрече человека с мифологическими персонажами в сборниках устного творчества.

В качестве главных конституирующих черт жанра былички исследователи отмечают обычно ее специфический онтологический статус (установка на достоверность), временную приближенность к моменту речи (действие происходит обычно в недавнем прошлом), а также приближенность «субъективную» (героем, непосредственным участником описываемых в быличке событий, является или сам говорящий, или кто-либо из его близких). Доминирующим аспектом выделения жанра былички является встреча человека с мифическим существом. Мы придерживаемся данного мнения и выделяем рассказы подобного характера в самостоятельный жанр чувашского фольклора.

Структурные компоненты быличек довольно трудно выделить. Зачина информации часто может и не оказаться. События, о которых говорится в повествовании, излагаются коротко. Особое место в быличках отводится образу рассказчика.

Сюжетно-композиционная структура былички обычно достаточно проста. По словам Э. В. Померанцевой, это объясняется тем, что подлинная быличка является бесхитрым свидетельским показанием, она большей частью одноэпизодна и невелика по объему (Померанцева 1975: 25).

Чувашские *тĕшмĕш халапĕ* получили свою оценку в трудах В.Г. Родионова. Им отмечается, что структура таких текстов состоит в следующем: «Чувашские бывальщины всегда состоят из трех частей: экспозиции, встречи и периода после встречи с мифологическим существом» (Родионов 2002: 133).

Попытаемся выделить основные сюжетные звенья былички:

1. Экспозиция. В большинстве случаев мы имеем дело с нахождением человека за пределами своего дома и в периферийных частях домашнего пространства (чердак, двор, клеть, овин). Действие

происходит обычно в «опасное» время: поздний вечер, ночь. Такое описание пространства и времени дается не для повышения достоверности рассказа, как обычно полагают, а как раз для того, чтобы сигнализировать о нарушении границы. Если же событие произошло не на глазах рассказчика, то он обязательно стремится подтвердить достоверность сообщаемого убедительными для слушателей фактами. Для этого рассказчик подчинял все изобразительные приемы повествования, композиционную структуру излагаемого материала, описываемые место действия и пейзаж.

2. Встреча. Характерным для быличек является то, что в центре каждой из них показывается встреча человека с демонологическими существами. Человек сталкивается с их проявлением, причем, в начале он может не видеть демонической природы происходящего, воспринимая его как странное необычное, но все же обыденное явление.

3. «Откровение» мифологического персонажа (далее – МП). МП «разоблачает себя по-разному». Присутствие сверхъестественных персонажей чаще всего проявляется шумом, либо резкими звуками, либо какими-нибудь впечатлениями.

Каждый образ является центром повествования и определяет кульминационный момент рассказа, поэтому дается детализированный портрет демонического духа. В подавляющем большинстве чувашских быличек портрет «иномирного» существа не определен и построен на каком-то одном признаке: рассказчик не называет того, кто ему встретился, он упоминает только, что кто-то захохотал, загремел, застучал, мелькнул, прикоснулся к нему лохматой шершистой лапой и т.д. Очевидно, некоторую роль играет в данном случае запрет называть нечистого по имени. По традиционным представлениям чувашей, произношение имени демонического духа вслух влекло за собой определенный гнев с его стороны на человека, на его семью, род. Зло могло причиняться и домашним животным, т.е. произношение вслух было равносильно призыванию их к себе. Во избежание этого в мифологических текстах встречаются подставные, заместительные слова – эвфемизмы: *усал* букв. «зло», *леиш* букв. «тот» (самый), *темёскер* букв. «нечто» и т.д.

Тексты другого плана, наоборот, содержат название иномирного существа по имени. Ср. «*Çав Арсури мар-и ёнтё?*»

4. Дальнейшие звенья былички могут включать описание злокозненных действий демона, направленных на человека, и упоминания о развязке.

Концовка былички в очень многих случаях включают фразу, в которой сообщается название мифологического персонажа. Название мифологического персонажа помогает конкретизировать страшное переживание, как бы направить индивидуальный опыт столкновений со сверхъестественной силой в уже известное обществу русло. «Имя мифологического персонажа стоит в конце текста и является той доминантой, которая определяет весь предыдущий ход событий, освещает его под определенным углом зрения, придает ему сакральный смысл», «картина остается неясной, аморфной, расплывчатой, и только имя позволяет соединить все детали в единый образ конкретного мифологического персонажа. Исход в быличках трагичен для героя: после встречи с иномирным существом человек начинает задумываться, становится мрачным, угрюмым, чахнет, заболевает (чаще страдает душевной болезнью), пропадает и даже гибнет» (Левкиевская 2000: 18-20).

К следующим особенностям чувашских быличек относится то, что в большинстве случаев ёнену «поверье» и табу/чару оказываются текстологически связанными с *тёммёш халапё*. Ср. «*Сурта пёччен хаварсан – тирёштисем йёреççё, тенё ватасем*» (Тукташ 1949, 163). Поверье исполняет в тексте роль зачина, за которым следует быличка, повествующая о конкретном случае столкновения человека с нечистой силой. В подобных случаях поверье становится практически компонентом былички. Оно коротко излагает те мотивы, которые получают развитие в быличке. Например, текст № 179, напечатанный в шеститомнике «ЧУНТ», начинается так: «*Арсури ёлэк чайнах та пулна, тет*». Затем следует сама быличка: «*Пёрре ёлөкөх хёрёне амйшө вёрмана сырлана кайна, тет*». В данном случае первое предложение является поверьем-зачиком текста. Одно и то же поверье может быть в начале нескольких рассказов о лесном духе. Либо текст может начинаться с табу: «*Вёрманта Арсури кайшкёрнине илтсессён хирёç кайшкёрма юрамасть*».

Э.В. Померанцева считает, что рассказы разных народов о мифологических существах отличаются друг от друга только деталями, локальными особенностями, ассортиментом образов, конкретным набором сюжетов, но не жанровыми свойствами (Померанцева 1975: 26). Так, в фольклоре чувашей и соседних народов встречаются половинчатые персонажи. Чувашский *Арсури* родственен русскому лесовеку-лешему. Слово *Арсури* состоит из двух компонентов: *ар* «человек, мужчина» + *сурри* «половина» – «полумужчина», т.е. «половинник». У удмуртов *палэсмурт* «пол-человек», у мари *шурлочо* «половина – калека», у татар *ярымтык* «половина» (Ахметьянов 1978: 153).

Каждое демонологическое существо в народном представлении наделено целым набором характеристик: функцией, злокозненными действиями, временем активизации, атрибутикой, местом обитания т.д. Все перечисленные характеристики являются индивидуальными для каждого демонологического персонажа, определяющими его главные особенности, своеобразие устного рассказа о едином существе (Зиновьев 1987: 388). Так, аудитория без всякого упоминания имени злого духа может вычислить, с кем из последних встретился герой.

Арсури легко узнать по следующим характеристикам. Основные сюжеты об *Арсури*: любит кататься на лошадях; любит полакомиться человеческими зубами, щекочет человека; отыскивает человека по голосу; боится рек, ключей и вообще воды; привлекает человека в лес; боится собаки; принимает разные формы и т.д.

В «неурочное время» чувашенин не будет купаться в реке; не пойдет в лес. Именно нарушение «норм» жизни, является причиной встречи человека с нечистой силой. «*Туса вёрманё урля энёр карчакна, лашапа сёрде сара ёсмерен таврайтймёр*» (ЧУНТ 1987: 125). В итоге встретились с *Арсури*. В следующей быличке причиной встречи стало то, что герой назвал имя персонажа вслух, без видимой на то причины. «*Пёр ватя сын вутя турттарать, тет. Турттарсан-турттарсан, çакан çуни сёмёрёлсе кайрё, тет. Ку сын лашине пёрмаях «Ы-ы, Арсури! Ы-ы, Арсури!» – тесе ятлаçать, тет. Кёç Арсури пырса та ситрё, тет*» (ЧУНТ 1987: 131).

Ход событий в быличке, как правило, определяется сверхъестественным персонажем. Своеобразно представлен в быличках образ свидетеля невероятного происшествия, его роль в действии, характер поступков. Чаще всего свидетель поставлен в условия, которые он не в силах изменить, поэтому действия его не отличаются особой активностью: «*Вёрманта Арсури кайшкёрнине илтсессён хирёç кайшкёрма юрамасть: хирёç кайшкёрсассан килсе çисе ярать*».

Кайшкарсассан та тават-пилёк хутчен кайшкарас пулать, вара Арсури: «Этем ывалё-хёрё майшкәлать», – тесе пымасть, теҫсё» (Ашмарин 1928: 312).

Рассмотрим следующий текст: *«Пайхрәм сул сине. Темскер сүллё те хулан сул синче тәрать. Хёр арәм евёрлө. Пёвё ман икё пү чухлө, хысёне ман еннелле тәрать, сүсё ура тупанё таранченех. Эпё вал тәнә төле ситессе пёр вунә хәлаҫа яхән юлса чарантәм. Мана хай япала ятна чёне пусларё. Сасси хайён ман салтакра вилнө юлташ сасси пек. Эпё чёнмерём. Виҫё хутчен чёнчө. Унтан ман еннелле саврәнчө те, ман патмалла ута пусларё. Чёччисем патавкка пек. Эпё турра асәнтам та, виҫё хут сәх-сәхрәм та яра патән патакпа. Вәрман шәттәр-шаттәр, шәттәр-шаттәр тавать, йываҫсем үксе пыраҫсё. Хай япала йываҫсене хирсе вәрман айне кёрсе кайрө. Нумайччен шәттәр-шаттәр, шәттәр-шаттәр туни илтөнчө. Эпё турра сәх-сәхрәм та виҫё сухрәм вәрмантан тухичченех чупрәм. Хам курнинчен хам төлөнөтөп. Сав Арсури мар-им ёнтө?»* (Ашмарин 1928: 314). В данном случае граница миров нарушена человеком бессознательно. Активность здесь полностью на стороне некоего МП. Человек уже начинает проявлять некоторую активность, но все поступки последнего направлены на скорейшее «свертывание» иного мира и «выдворение» его за пределы своего. МП стремится полностью проявить свою природу, человек же – стремится локализовать и прекратить воздействие МП. Действие в данном случае злокозненное. В некоторых случаях наблюдается и попечительское действие Арсури. Так, по чувашским быличкам, Арсури помог человеку, у которого разбились сани при вывозе из леса дров. *«Тем сехетре илсе пырать сакә сунана»* (ЧУНТ 1987: 131). Действия человека в вышеупомянутом тексте сознательны. Человек знает, как избавиться от Арсури и целенаправленно применяет свои знания: поминает бога.

В ходе исследования чувашских *тёшмёш халапё* нами выявлены сложные по структуре тексты, которые состоят из нескольких рассказов, соединенных между собой словом *тата*. Условно их можно назвать ярәм халап/ цикл рассказов. Например, *«Пирён мучи Арсури чёлхи пёлеччө тет, пёрре аттене иккёш соха патне катару уя кайрәмәр тет. Виҫё лашапа. Иккёшине соха күлсе тет, пёрне сүре күлсе тет. Пёр лашине хысёян ярса тет, вәрман урлә кашнә чух савә, хысёян ярнә лаши, йываҫ сулси сикелесе пырать тет. Сав хысёян ярнә лаша сулсә сине хәтланса сапә купи сине пуса ячө тет. Сапә купи айёнчен такам: «Пус сине-е!» – тесе кайшкарса ячө тет.*

Тата сав пирён мучиях пёрре сёрле ёскёрен килнө чух вәрман урлә кашмалла пулса тет, вәрман урлә аран кашса килсе тесе калать тет. Арсури тапанса тет, кайшкарма тапратрөс тет. Тата сул синче йываҫ касма тапратрөс тет, унччен те пулмарө тет – сул хёррине юман сүмән иртсе килмелле тет, сав юмантан пёр сын сакәнса тәрать тет, вара юман патне ситесне татәлса анчө тет, татәлса ансан ситёне пусларө тет, вара мучи аран иртсе килсе тет. Кавун пек пулса кайрө тет, вара яла ситесне сул сине пәхать тет: пёр ёслөк выртать тет. Илет те хурать урапа сине, хай ёслөк урапа синче тапратрөс тет ситёнеме, вара урапа синчен аран йавалантарса ярса тет.

Тата пёрре аттесем ача чух кётү выртнә чух Арсури чёлхи пёлекен сын выртма тухса тет. Сав сын ачасене: «Ачасем, сире Арсури кәтартам-и?» – тесе каларө тет. Аттесем: «Кәтарт», – терёмөр тет. Вара сын темён йәпәйтән пулякаларө тет те, вәрманта тапратрөс тет попляма, кайшкарма, тапратрөс тет кулма, унччен те пулмарө тет – тапратрөс йываҫ касма, вара сав сынни тапратрөс тет чёлём туртма, арсурисем вәрманта үсёреҫсө тет: «Аххәм, аххәм, тьфу, е эсө тата төтөм яратни-ха? Чәмай сана!» – тесе кайшкарә пусларөс тет. Унччен

те пулмарё тет – сил-тйвйл тухса килчё тет, пётём вутне вёстерсе кайрё тет. Вара аттесем хярараймёр тет. Сапла авалхи сынсем хятланнй. Халё пёр Арсури те сук, ним те сук» (МХЛ, 2004: 285). В приведенном примере три разных текста о лесном духе Арсури, которые информант рассказал слушателям друг за другом.

В ходе исследования нами выявленные усложненные формы рассказов. Легко уживаются в *тёшмёш халапё* разные жанры. Такие как: дразнилки, заговоры, описания обрядов по изгнанию Арсури и др. Ниже приведем текст, содержащий колыбельную песню, которую исполняет Арсури для ребенка, оставленного в поле по забывчивости отца: *«Пёррехинче амйиё тырй вырнй вйхйтра кйкйр ачине сёмел сумне вырттарать. Кас пулсан амйиё хйвйтрах яла касхи ёс пустарма каять. Ачи синчен упйшкине асйрхаттарса хйварать. Ачи макйрман та, аишйё ун синчен манса кайнй. Лашиа сине утланать те яра парать килнелле. Киле ситсен арймё тюрех ачиа синчен ыйтать. Упйшки хирёс нимён те калаймась. Хйвйтрах лашана каялла савйрассё те вёстерессё уялла. Вёсем ситнё сёре Арсури хййён вйрам та сймля аллисемпе ача тытнй та юрласа лйплантарса ларать тет:*

Апу суратса янй,

Асу манса кайнй,

О-о-о-ой, ачине,

Сывйр, ман пулса ача.

Хайхи упйшки: «Кума, кума, ачана пар-ха! Аслй кума тйватпйр сана», – тет. «Кума, сыннисем хоç, хоç!» – тесе кйшкйрать тет ачин амйиё.

Вара Арсури ачана пйрахса хйварчё тет, мёниён тесен Арсури сыннисенчен питё хйрать тет. Пёррехинче сына вйрманта йёкел синё чухне Арсурин хйрине сйртса татнй пулнй тет».

Нужно отметить, что границы жанра *тёшмёш халапё* очень зыбки и они могут легко перейти из одного в другой. Так быличка может перейти в бывальщину. Нами выявлены случаи перехода их в анекдот, в топонимическое предание и сказку. Например: *«Икё ача вйрманта маййр катма кайнй тет. Сюрерёс-сюрерёс тет, вйрманта маййрне те постарнй тет ёнтё. Саксем пёр иёшкё тёмми хысёнчен Арсурине курах кайрёс тет. Сывйхрах укнё хйвйл ййвйс выртать тет. Санта пырассё те кусем, иккёш ик посёсене хйвйла чиксе хурассё. Арсури пычё тет те:*

– Полать няк этем икё котлй, – тесе каларё тет те пйрахса карё тет. Арсури сынна посё полсан анчах тытать тет, посне топмасан тытмас тет». (МХЛ 2004: 308).

Приведенные нами структурные звенья быличек для каждого конкретного текста индивидуальны. В некоторых из них наблюдается отсутствие зачина. Рассказчик сразу переходит к описанию конкретного случая встречи с мифологическим существом. Причины осложнения *тёшмёш халапё* в композиционном плане нам видятся в рассказчике, который применяет художественные приемы, в результате чего из обычно небольшого размера рассказа получается полное по форме повествование.

Список литературы

- Ахметьянов, Р.Г. (1978). *Сравнительное исследование татарского и чувашского языков*. Москва: Наука. 248 с.
- Ашмарин, Н. И (1928-1950). *Словарь чувашского языка: в 17 тт.* Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат. Т.1 (1928). Казань: Типография «Красный Печатник. 335 с.
- Зиновьев, В. П. (1987). «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы». *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири*). Новосибирск: Наука. С. 381-400.
- Криничная, Н. А. (2001). *Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов: в 3 т.* Санкт-Петербург: Наука. 410 с.
- Левкиевская, Е. (2000). *Мифы русского народа*. Москва: АСТ: Астрель. 526 с.
- Родионов, В. Г. (2002) *Чувашская литература (вторая половина XIX в): учеб. пособие*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. 248 с.
- Чăваш халăх пултарулăхĕ: Мифсем, легендăсем, халапсем.* (2004). Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви. 567 с.
- Померанцева, Э. В. (1975). *Мифологические персонажи в русском фольклоре*. Москва: Наука. 191 с.
- Чувашское устное народное творчество: в 6 т (1987). Т. 6: Мифы и предания.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 448 с.
- Тукташ, И. (1949). *Чăваш фольклорĕ*. Чебоксары: Чăвашгосиздат. 308 с.

